

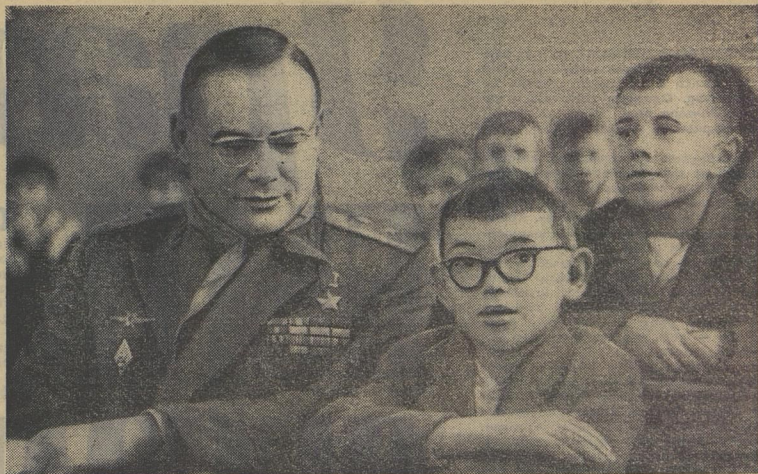

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
ОБЪЕДИНИТЕСЬ!
И ВОВРЕЧЕ ЗА ДЕЛО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БЫТЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 43-й
№ 8 [5175] | Пятница, 26 января 1968 г. | Цена 1 коп.

ВОЛШЕБНЫЙ ЛУЧ

ПО УЛИЦАМ посёлка идёт долговязый мальчишка. Он провожает глазами тяжёлые тагачи с панелями для новых домов, смотрит, как мальчишки топают шабду. Среди деревьев за школой он видит глубокие воронки. Неужели это правда, и воронки те самые, чапаевские? Был ведь здесь когда-то жаркий бой чапаевцев с белыми...

...Строчет старенький кинопроектор. На маленьком экране леса и овраги, глухие, тихие места. Звучит мальчишеский голос:

— Отсюда начиналась Дёма. Здесь стояла будка путевого обходчика и ничего больше не было. Жил в Дёме помещик в своём имении...

Откуда узнали об этом ребята, как они отыскали вот здесь точку, с которой начался их родной посёлок?

Рассказывает Валера Кожевников: — Мы с седьмого класса снимаем фильм про Дёму. Ходим к старым людям, расспрашиваем. Оказалось, что жив ещё бывший управляющий имением помещика. Отыскали мы его в соседнем селе. Потом к нам он приезжал, показывал, где что было.

...Фильм ведёт нас по улицам новой Дёмы. Весна. Девчонки перепрыгивают через лужи. Торопятся люди на работу. Теперь в Дёме семь школ, железнодорожное депо, фабрика головных уборов...

Как рассказать обо всём этом? Уже есть много снятых кадров, но Валерка пока недоволен. Что если сделать серию портретов жителей Дёмы? А если включить в фильм такой сюжет: «Путешествие шляпы»?

Известна ребятам история, как одна жительница Дёмы решила купить себе в Ленинграде красивую шляпу. Купила. А когда увидела на ней фабричный знак, рассмеялась. Оказалось, что шляпу-то сделали в её родной Дёме, на фабрике, рядом с её

НАША ДЁМА

домом. Пусть бы эта женщина рассказала об этом забавном случае перед киноэкраном. А потом можно показать и светлые цехи новой фабрики, где делают красивые, современные шляпы, и кепки, и фуражки.

...Строчет кинопроектор. На экране кадры, снятые ребятами в школе. Приём в пионеры, уроки...

А что осталось снять ещё? Памятник. Его строили сами — в память о выпускниках, не вернувшихся домой с фронта. Пусть расскажет об этом памятник начнётся немым кадром. Это будет лицо учительницы, их учительницы, друга, одной из немногих, оставшихся в живых из всего выпуска 1941 года.

Она расскажет о своих товарищах, а потом, может быть, именно здесь, возле памятника, нужно снимать «Реквием» Рождественского. Его читают ребята из старших классов... наследники тех, кто не вернулся в родную Дёму, Дёма, Дёма... Люди и знания, папсадики и корпуса цехов. В нижнем этаже небольшого дома в двух маленьких, оклеенных светлыми обоями комнатах сняты твои «летописцы», Дёма. Они собирают по крупинкам твою историю, и она постепенно, кадр за кадром, оживает на экране...

Ребята говорят: — Это всё Валерка. Утром стучится: пошли снимать, а то вес-

ну просним. Весна в Дёме.

А Валерка хмурится:

— Я один, что ли? Вон и секретарь райкома теперь с нами сидит вечерами. Магнитофон достал, бачок для проявления плёнки... Это ведь кино. Всем интересно.

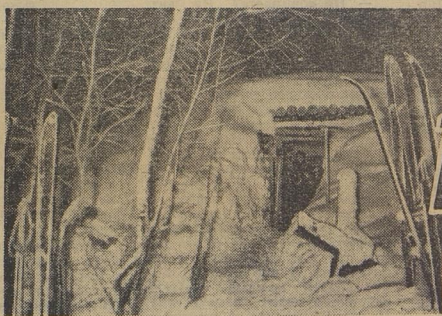
Я слушаю Валерку и думаю о том, что маленькая Дёма — его первый шаг навстречу мечте. Это она, Дёма, научит Валерку смотреть на свою страну добрыми и зоркими глазами.

л. ильина.

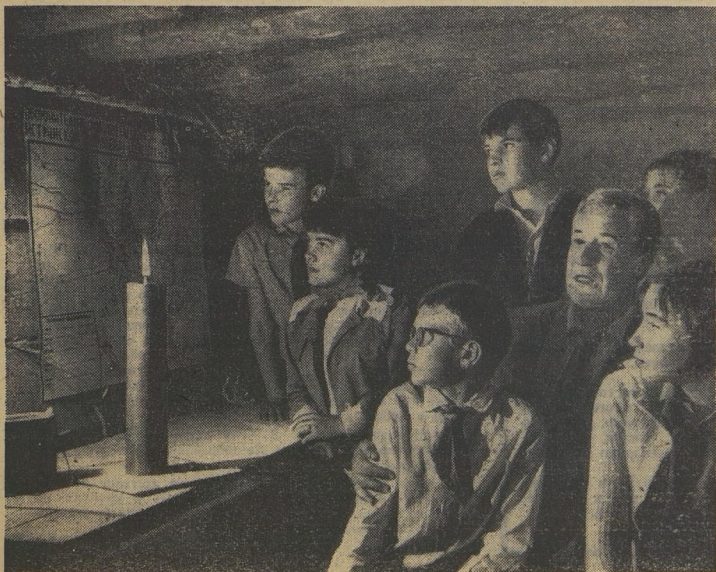
Вашкирская АССР,
посёлок Дёма, школа № 113.

НЕМНОГИЕ МАЛЬЧИШКИ могут похвастать тем, что сидели за одной партией с боевым генералом, героем-лётчиком. Саше Полякову из 58-й свердловской школы повезло. Оказывается, на том самом месте, где он сейчас пишет диктанты и решает контрольные, много лет назад сидел Александр Петрович Силантьев. Теперь он Герой Советского Союза. Слушая его рассказ о военных самолётах, о боевых сражениях, третьеклассники впервые поняли, что биография героя начинается вот с этой знакомой партии.

Снимок А. НАГИБИНА.

Ночью В ПОХОДЕ

Почти всё лето на опушке леса, неподалёку от деревни Жёвиево Истринского района, можно было видеть ребят из пионерского лагеря «Снегири». Они приходили сюда с лопатами, носилками и сооружали землянку. Она получилась, как настоящая, — в три наката! В ней открыли музей боевой славы. Едва отгремел ружейный салют, в музей вошли первые посетители — ребята из отряда «Неунывайка», строившие землянку. Свет копилки, сделанной из гильзы, тускло освещал толчак для отдыха, нехитрую солдатскую утварь — котелки, ложки, каски, плащ-палатки и на стене карту обороны Москвы.

Зимой ребята московских школ решили провести ночной поход по местам боевой славы Подмосковья. Собрались в своей землянке. Участник Великой Отечественной войны В. П. Вакуленко рассказал им о боях с фашистами. Потом на лыжах ребята

ушли в почный лес. Поход пролегал в полной тишине, как в боевой обстановке. В полночь остановились под заснеженными елками, где за оградой небольшой холмик с надписью: «1914—1941. Ст. сержант Федосев Дмитрий Константинович, уроженец г. Москвы, погиб в бою за Москву у деревни Жёвиево».

На могилу легли огненные живые гвоздики. В воздух взмыла ракета.

Вторая остановка в братской могиле в деревне Рождествено. Запылали факелы, и в морозной тишине прозвучали слова клятвы.

И снова уходили в лес лыжники. Только в самой чаще за рекой Истрой, где вспыхнул «партизанский костёр», было отмечено «военное положение».

По котелкам разливали горячий чай. На поляне выпололся отряд пел военные песни.

В. ВОРОБЬЕВ.

Гражданшином

Юрий Яковлев

З А СТЕКЛЯННЫМИ СТЕНАМИ во внутреннем дворике гостиницы «Юность» стоит тонкая рябинка с гроздьями красных зёрнышек. Одижды спелась к рябине стая больших птиц.
— А это свирстели, — сказал Саша Смирнов.

И сразу вспомнилось сочинение, которое Саша прислал на конкурс «Моя Советская Родина». Он писал о любимых своих кустовых пещерах. Саша один из тех, кого за участие в конкурсе пригласили в Москву. Кроме него в столицу приехали ещё 70 школьников из всех уголков страны. И встреча с каждым из ребят оказалась по-настоящему интересной, потому что это пытливые, очень деятельный и активный народ. И наверняка, если бы на месте 70 победителей конкурса оказались другие ребята, впечатление было бы такое же — ведь все они писали о Родине, о самом дорогом.

Разговор, который ребята начали в своих сочинениях, продолжился и здесь, в Москве — о том, какими vstupают в жизнь юные граждане страны. В этом разговоре участвовали писатели, поэты, композиторы, музыканты, художники, журналисты. А по вечерам ребята собирались на свои «гоночки». На разных языках читали стихи, пели. На прощание они сделали стенгазету, которую назвали «Московские автографы». Сегодня мы печатаем несколько страничек из московских дневников ребят и рассказы писателей, побывавших у них в гостях.

Быть обязаны

СЕГОДНЯ я похож на школьного учителя. Обложка тетрадки, возму по строчкам карандашом и читаю, читаю. Временами останавливаюсь. Подчёркиваю. Подчёркиваю не ошибки (их почти нет), отмечаю строки и абзацы, в которых выражены острые мысли, чувства, сомнения, убеждения. Я собираю их, как собирают семена для желанного посева.

Я люблю фантазёров — людей, дерзающих заглянуть вперёд, в завтра. Люблю людей, которые живут на ладони маленькое сухое семечко, а видит зелёное ветвистое дерево. Я признаю фантазёров с семечком на ладони, с искрой, без которой не возгорится пламя. Я тоже фантазёр и стараюсь сейчас время разглядеть завтрашнего человека. Что он будет любить и чего не любить? За что бороться? Какие подвиги совершать? Я читаю десятки сочинений и отыскиваю в них семена. Рассматриваю их и спрашиваю: каким ты будешь, человек?..

У всех сочинений одна тема — «Моя Советская Родина». Но как не похожи эти тетради одна на другую — сколько различных мы-

лей, чувств, образов! И всё это богатое разнообразие объединяется одним словом — «Родина». Каждый вибр в огромную картину свою краску, искру своей любви.
...Я разглядываю семена и вижу всходы. Передо мной возникает человек, каким он будет. Он построит то, что мы не успеем построить, победит то, что мы не сможем победить, заполнит мир прекрасной новизной. Но самое дорогое, что есть у нас, сохранится в нём — любовь к матери, любовь к Родине, любовь к Ленину.

Человек, идущий на смену, принимающий от нас знания, сумеет ли он отстоять всё, что завещано нами и нашими отцами? И снова я листаю тетради, пишу отсюда. «Прошу не забывать и не плавать! А умру, то брать буду за своё, народное, великое дело...» Эти слова написал защитник Бреста на листках комсомольского билета. Я прочёл их в сочинении Нины Перниной, и я поверил, что в час испытаний она бы тоже написала эти слова, как слова собственной клятвы. Их произнесёт Прозоров Юра, который сегодня пишет: «А пройдёт час, я уверен, нынешние мальчишки сменят свитерки на суровые гимнастёрки, как это сделали наши сверстники в 1941 году».

...А смену вчерашнему дню идёт завтрашний. И я встречаю его с заглавной радостью.

Андрей Некрасов

КАК НЫРНУЛ КИТ...

В ШКОЛЕ я часто получал пётерки за сочинения. Другим очень нравилось всё, что я писал, и, наверное, поэтому я решил стать писателем.

В ту пору я каждый день сочинял по рассказу и засыпал ими редакцию газет и журналов. Но там почему-то меня не печатали и часто возвращали мне рукописи с пометкой «Не пойдёт». Я обижался, думал, что всё дело в том, что у меня нет знакомства в редакции. Наконец я смирился с тем, что литератор из меня не вышел, и пошёл плавать на рыболовных и грузовых кораблях. В свободное от вахты время записывал всё интересное. Многое лет спустя я принёс свои рукописи в редакцию журнала. Неожиданно для меня несколько рассказов напечатано.

Почему так случилось, объяснил мне замечательный писатель Борис Степанович Житков, который прочитал мой очерк о том, как был китов. — Послушай, — сказал Борис Степанович, — вы сами видели, как бьют китов, или у Брема прочитали?

— Я сам их бил, — обиделся я.

— Ну вот, видите. Вам я должен верить, а рассказу вашему не верю. Вы тут пишете: «Кит скрылся под водой». Так как же он скрылся-то: быстро, медленно? Головой вперёд или, может, боком? Вы видели, а мне интересно. Вот и расскажите, найдите нужное слово.

— Кит нырнул, — предложил я.

Михаил Львов

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПЕРЕД РЕБЯТАМИ

НЕДАВНО, перечитывая Пушкина, я вновь поражался каждой его строчке, каждой его мысли и ещё раз приходил к выводу, что Пушкин был не только великим поэтом, но и великим человеком, человеком высочайшей духовной глубины, чистоты и правдивости.

Как много пережитого и пережитого дней в пушкинских строках! В одной из них он писал о том, что во Франции готовятся к изданию воспоминания парижского палача Самсона. «На каком зверином рёве, — спрашивает Пушкин, — объяснит он свои мысли?..» Кажется, что это написано сегодня, когда звериным рёвом полны воспоминания тех, кто развязал вторую мировую войну. А ведь это всё печатается огромными тиражами, отражая сознание людей.

Пушкин пытал об ответственности того, кто берётся за перо: «Мысль уже стала гражданною, уже отвечает за себя, как скоро она ро-

— Ну ладно, сойдёт, — сказал Житков. — Идите к художнику и проследите, чтобы он нарисовал всё правильно... Очень плохо вы написали.

— Если плохо, зачем же печатать? — спросил я.

— А что делать? — сказал Житков. — Где я возьму человека, который бы и китов бил, и писать умел? Вы кое-как видите... Про китов и так сойдёт, а вот про людей начните писать — придётся поучиться.

— Почему же про китов и так сойдёт, а про людей нужно лучше?

— Не понимаете? Ну вот, слушайте тогда: допустим, побывали вы на Луне, всё там осмотрели, а когда приземлились, начисто откусил себе язык. А людям не терпится: просят поскорее доклад сделать о том, что там, на Луне-то. Как быть? А вот как: я вас выведу и скажу: «Он сейчас с Луны, но говорить не может. Задавайте ему вопросы, а он будет отвечать. Если «да» — кивать головой, если «нет» — мотать». И вы такой доклад сделаете, что все академии одобряют. Вот так же и про китов: тут как ни скажи — всё интересно. А про людей сложные. Людей каждый читатель всё время видит вокруг себя. И тут уж так нужно научиться писать, чтобы читатель в вашем герое, как в живом, поверил. А это не просто.

Всё это я вспомнил, когда читал сочинения, представленные на конкурс. Были там и хорошие работы, и похуже. А вот таких сочинений, из которых читатель мог бы узнать что-то новое, такое, чего он ещё не знает, было мало. И о своей школьной жизни ребята могли бы написать так, как не напишет ни один писатель. Не обходите всё это интересное и старайтесь писать о том, что до вас тысячу раз написано. Не думайте, что ваша будничная жизнь неинтересна.

Вглядывайтесь в подробности жизни и пишете о том, что вы хорошо знаете. А уж если соберётесь писать настоящие писателям, подумайте и о том, что, прежде чем сесть к пишательскому столу, нужно сделать себе биографию. Нужно очень многое увидеть, очень многое узнать, пережить, чтобы иметь право рассказывать об этом людям.

Жизнь действительно сказочна, прекрасна. Жизнь — это поле деятельности, мастерская, где человек работает.

Живите так, чтобы сохранить чистоту душевного настроения, ведь у вас будет много испытаний. Надо выйти из них победителями. Черпайте настойчиво и в окружающую жизнь, и в том культурном наследии, которое создано до вас и для вас.

Мы живём в сложное время. Если бы меня спросили, как кратко определить его, я бы ответил: Время Большой Ответственности. Я хочу, чтобы вы всегда помнили об этом.

Фото ВИКТОРА РАДЧЕНКО. Тираспольский Дом пионеров.

рошие работы, и похуже. А вот таких сочинений, из которых читатель мог бы узнать что-то новое, такое, чего он ещё не знает, было мало. И о своей школьной жизни ребята могли бы написать так, как не напишет ни один писатель. Не обходите всё это интересное и старайтесь писать о том, что до вас тысячу раз написано. Не думайте, что ваша будничная жизнь неинтересна.

Вглядывайтесь в подробности жизни и пишете о том, что вы хорошо знаете. А уж если соберётесь писать настоящие писателям, подумайте и о том, что, прежде чем сесть к пишательскому столу, нужно сделать себе биографию. Нужно очень многое увидеть, очень многое узнать, пережить, чтобы иметь право рассказывать об этом людям.

Жизнь действительно сказочна, прекрасна. Жизнь — это поле деятельности, мастерская, где человек работает.

Живите так, чтобы сохранить чистоту душевного настроения, ведь у вас будет много испытаний. Надо выйти из них победителями. Черпайте настойчиво и в окружающую жизнь, и в том культурном наследии, которое создано до вас и для вас.

Мы живём в сложное время. Если бы меня спросили, как кратко определить его, я бы ответил: Время Большой Ответственности. Я хочу, чтобы вы всегда помнили об этом.

В ГОРКАХ

ЛЕНИН. Это имя дорого всем, и дорого всё, что с ним связано. Вы были в Горках? Должно быть, вы никогда не забудете берёзы с пучками гнёзда. И старый дуб. И дорогу к дому, к его дому.

Вас поведут в деревянный дом. Там вам покажут фотографии, письма, книги... Вы запомните деловое письмо, заканчивающееся неожиданно молодо и звонко: «Привет! Ленин».

Вы увидите вечно неисправный телефон, который молчит уже много лет, пустую вешалку, самовар — он, как верный друг, следовал за хозяевами и в Сибирь, и в Москву; старенькие книги — это очень разные книги — от Герцена до Марковского дела.

Иногда мне становится грустно оттого, что вещи не умеют говорить. Конечно, есть искусные экскурсоводы. И даже влохоненные. И всё-таки что бы рассказали сами вещи?.. Самовар — о дорогах, спорах и шутках за столом, книги — о том, как их любили, о напряжённых днях и ночах, Зимний сад — о том, как долго не могли к нему привыкнуть, потому что он был роскошью, плетёное кресло — о больном и усталом теле.

Вы запомните ещё календарь. Обычно об очень старой книге говорят: «Потемневшая от времени». Мне хочется сказать об этом календаре, как о человеке: поседевший. Поселевший всего за один день. Глаза ваши несколько раз прочтут: «21 января, понедельник».

И вы вдруг почувствуете, какой это страшный день: 21 января. И какой страшный час: 6 часов 50 минут. Вы увидите кровать, на которой умер Ленин. Кровать обыкновенная, деревянная, с двумя пухлыми белоснежными подушками. Я не завидую этим вещам: они видели, как умрал Ленин. Вы запомните эту комнату на всю жизнь. Но вы должны увидеть не только календарь и кровать. Вы должны увидеть ещё на небольшом столике очень важную книгу. Книга называется «Любовь к жизни», и написал её Джек Лондон. И когда будете уезжать, уложите в своё сердце не только тишину и грусть — не забудьте про Джека Лондона. А может быть, потом уже, после, эта маленькая комната напомнит вам божественную софиту, где живут вместе тишина, скорбь и любовь к жизни.

Только очень прошу... В этих комнатах есть зеркала. Не смотрите в эти зеркала. Не поправляйте причёску. Потерпите до дому.

И когда, возвращаясь, вы пойдёте по лестнице и вдруг споткнетесь из-за талочек, очень неблодных и круглых, похожих на буквы, и ухватитесь за перила, помните: эти перила касаясь Ленин. Наташа АЯРАПЕТОВА.

Я НЕ ЗНАЮ об этом человеке ничего, кроме того, что он водитель такси. Я даже лица его не смог разглядеть... в машине был полумрак. Но мне запомнился его голос. Мы ехали с ним по расчёрченным огнями, наполненным машинами и людьми московским улицам.

Идалека приехал... спросил он.

— Из Сибири. Я в Бура-тин живу.

— Значит, с Москвой почти не знаком? — По-моему, даже обрадовался шофёр. — Тогда я тебе сейчас кое-что покажу. Смотри, парень. Вот там — памятник Пушкину. Пушкин ведь наш, московский. Да и не только наш — всему человечеству принадлежит, — сказал он с гордостью. — Есенина читал?

— Читал.

— Тогда я покажу тебе улицу, по которой он часто

Первая встреча

ходил. И в этом доме ты обязательно побывай, — показал кивком шофёр. — Музей Николая Островского. Если у тебя даже времени мало, ты лучше на Царь-пушку не по-смотри, а здесь побывай. По-няй?

И он долго и с любовью говорил об Островском, Рахманинове, Репине, Станиславском. Это был рассказ человека, который просто не представлял себе вне этого города, вне этого огромного моря огня, распаханных гигантской горстью по земле и повисших в воздухе, и его рассказ захватил меня.

— А говорит, москвичи не

жалуют гостей своим вниманием, — сказал я.

— Чепуха, парень. Настоящий москвич — он всегда рад показать свой город. Он гордится Москвой, хочет, чтобы приезжий человек тоже полюбил его город. Для меня Москва — как воздух.

Вскоре я распрощался с этим человеком, и он поехал дальше искать людей, которым он был нужен в эту сырую беззвездную ночь. Я был для него просто пассажиром. А для меня он был первым человеком, которого я встретил в Москве.

Серёжа БОРОВИК. Бураятская АССР, село Кабанское.

Почти каждый мнил себя писателем-гением. Как развенчали наше зазнайство! Мы подумали и перестали злиться. Всё правильно. Юлия НЕКРИЧ. г. Свердловск.

СВОЙ МИР ОТКРЫВАЕМ ПОПРОСТУ. СПЕШИМ ОЧЕНЬ БУДИЧНО В ШКОЛУ. РЕБЯТА С ГЛАЗАМИ ОСТРОВСКОГО, С СЕРДЦАМИ ПОЭТА СВЕТЛОВА. И ПУСТЬ МЫ НЕ НУЖДАЛИ ПОРОХА, В ВИНТОВОК ПРИШЕЛ НЕ СМОТРЕЛИ, СКАФАНДРЫ, ШАГАЯ ПО КОСМОСУ. МЫ ВМЕСТО ШВЕЦА НАДЕНЫ. г. Запорожье. Оля МАРНИЧЕВА.

Мы уходим в большую и интересную жизнь. Какой она будет, мы ещё не знаем, но кажется, что кем бы мы ни стали, мы будем человеками! И ещё, эта встреча, эти «гоночки» в «Юности» — это большая станция, с которой мы уходим в жизнь. Наташа РУДНЕВА. г. Тбилиси.

В эти семь дней я получил столько, сколько никогда раньше не получил: огромное количество мыслей, чувств, впечатлений, тепла, стихов, автографов и друзей. Юра ПРОЗОРОВ. г. Ярославль.

ГОРАМ И УЩЕЛЯМ, НИЗУ И ДОЛУ, КАНДИМО ДЕРЕВЦУ ВО ДВОРЕ, ВОЛГЕ ТВОЕЙ, И ДНЭРУ, И ДОНУ, СЫР-ДАРЬЕ, И АМУ-ДАРЬЕ МРАВАЛЖИНИЕР, ДОЛГОЙ НИЖИНИ. Мамана ГОГОЛАШВИЛИ. г. Тбилиси.

Мы единая семья. Мы все живём в одном доме, в окна которого одинаково светит наше щедрое солнце. Венера ХУСАИНОВА. г. Уфа.

ПОЧЕМУ я написала своё сочинение? Я рассказывала об этом ребятам на одном из наших «гоночков».

Ты когда-нибудь был в Освенциме? Я была. Я сама увидела. Это земля, что кровью жертвена. Это печь, что дымилась тут.

И эти ворота. Чьими руками они сделаны? Знал ли тот, что добротой сваривал железные прутья, слово для собственного сада, что делает свидетель, которые долгие годы не позволяли забыть людям то, что происходило в крошечном местечке Освенцим? Они так хорошо сохранились. Только красная рябчина кое-где приросла к железу, словно кровь, которая пропитала землю Освенцима. Ворота открыты — входил. Но я не могу так сразу. По эту сторону ворот, где стою я, цветы, мороженое под навесом, дети. По ту сторону... Я делаю шаг... Там 25 лет назад вошли сюда четыре миллиона, за которыми навсегда захлопнулись ворота в жизнь. Ворота пережил люди.

Вдур громкие, возбуждённые голоса вклинились в тяжёлую тишину, нарушая написанный закон говорить шёпотом. Я постороилась, пропустила группу молодых людей в джинсах, с раскрытыми фотоаппаратами. Я никого не запомнила в отдельности. Все лица выразили одно — негодование. Все голоса слились в один крик — громкий, возмущённый. Они шли быстро, торопясь пересечь границу, отделиющую Освенцим от площадей, где солнце согрывает живых людей и сохнет в стёкла разноцветных автомобилей. Это было англичане — так нам сказал гид. Они шли из лагеря, шли оскорбленные. Их накормили ложью, показали то, чего не было на самом деле, просто не могло быть — вот о чём они кричали. Не верят... Это страшно, что мои

Но это было!

ровесники не верят Освенциму! Крепаторий — подделка, газовые камеры — подделка, фильм об освобождении Освенцима — подделка! Но ведь четыре миллиона погибли — это было. Этих людей нет и никогда больше не будет на свете. Среди них были такие, как я, такие, как вы. Не верит этому — преступление. Да, такое же преступление, как сбрасывать бомбы на мирные вьетнамские города. А колонии, где фашисты пытаются возродить Освенцим и Майлазек? А песни Теодорикса, которые хотят заглушить толстыми рёштками тюрьмы и которые мы всё равно слышим. Они обращены ко мне, к моим сверстникам, и неважно, в Англии они живут или в Советском Союзе. «Не допустите второго Освенцима! Не допустите второй войны!» — вот что в этих песнях. И об этом мне хотелось сказать моему сверстнику.

Я тебе напишу, поверишь мне? Будет сердце нам переводчиком. Ни в каком словаре не сыщется. То, что дружбой у нас зовут. Нашей дружбой в морозы греют, Крепят в счастье, в беде наденутся. А за доллары дружбой делится, А за доллары на смерть пойдут. Наташа БЕРШИННИНА.

На снимке: «ВРАГ УЩЕЛ». Фото М. РЕДКИНА из серии «Отечественная война».

Собраны на последнем нашем «Гоночке» 11 января в гостинице «Юность»

НАС БЫЛО ТРОЕ. Нуцу, Дуцу и Вале. Вале — это я. Вале-губошён, как прозвали меня ребята. Я наклонялся, брал с земли камень, закладывая его в рогатку и стрелял высоко вверх. Потом ждал, когда он упадёт.

— Берегись! На голову упадёт!
Я не двигался. Я знаю, что на голову не упадёт. Вокруг становилось тихо. Все смотрели вверх на камень. Один я не смотрел. Потом слышался короткий свист, и Дуцу обвалился:

— Только на три вершка!
Дуцу брал у меня рогатку и, размахивая ею, спрашивал:
— Ну, кто переплюнул Вале?

Ребята отворачивались. Дуцу ещё раз спрашивал:
— Никто не хочет?

И только после этого Нуцу поднимался на ноги. Нуцу был длинный, тонкий, как прут, и он любил лежать, развалился на спине. Выйдя на улицу, он вынимал из кармана кусок мела и чертил четыре линии. Очерченное место было его царством. Ребята никогда не подходили слишком близко к границам, обозначенным мелом. Нуцу ложился, вытянувшись во весь рост, наливнув кепку на глаза, и в каком-то полусне слушала всё, что говорили вокруг. Чтобы показать, что он принимает участие в спорах, он иногда улыбался или шёлкал пальцами. А уж если Нуцу поднимался с земли, значит, дело было плохо. Все ребята тут подтягивались и вступали в игру. Хочешь не хочешь. Нуцу не любил повторять. Три шага — и он оказывался рядом с Дуцу:

— Считай!
Дуцу принимался бормотать:
Раз — картошка,
Два — петрушка,
Три — парей, сельдерей...

Оставшийся должен был взять рогатку, запустить камень и при этом, как я, не сдвинуться с места. Камень падал далеко. Нуцу заламывал шапку и щёлкал презрительно:

— Слабей!
Ребята принимались скакать и петь:
— Семь — по-лягушачьи,
Десять — по-утячьи,
Съешь опилки, замолчи,
Разом шапку проглоти...

Осуждённый должен был семь раз подпрыгнуть лягушкой, потом прыгнись, раскачиваясь по-утячьи, съешь опилки и снова встать в круг. Если в это время появлялась какая-нибудь собака, Нуцу спрашивал:
— Ты что хочешь: съопать собаку или нарисовать мне карту?

— Нарисовать карту!
Нуцу никогда не рисовал и не писал сам. Рисовали и писали за него другие. Только математику он сам делал. В математике Нуцу был знаток. Самый лучший был в классе. Сидя другие учителя говорили:
— Ты, мальчик, не очень-то старайся.

Учитель по естествознанию как-то поставил ему отметку и при этом вынул свою длинную, тонкую шею (мы из-за этого прозвали его Страусом), удивлённо сказал:

— Послушай! Ведь по математике у тебя один десяток! Значит, всевы ты не дурак.

Учитель быстро-быстро моргал. — Как вы думаете, ребята? Никто не отвечал. Ещё чего нам не хватало! Сорваться с Нуцу. Мы ведь все проверяли ответы задачек по его тетради. Вернее, я хочу сказать — мальчишки. С девочками Нуцу даже не разговаривал.

После естествознания мы вышли во двор. Нуцу вытаскил мел, провёл четыре черты (он носил своё царство с собой, как улитка раковину) и развалился на спине. Потом он спросил:

— И чего это Страус ко мне привязался? Хочет из меня зубрилу сделать, вроде Развана или Магды?

Всю перемену он пролежал с закрытыми глазами, сложив руки под голову. Когда прозвучал звонок, он открыл глаза и, уставившись в небо, сказал:
— Я не тупица — зурьить. Я учу то, что мне понравится.

Разван не был ни тупицей, ни зурьилом, но я не решился сказать это Нуцу. Да и Магда не была тупицей. Но у Нуцу, уж не знаю почему, был против неё зуб. Иначе, как Зурьило да Рыжак, он и не знал её. Особенно нравилось ему насылать на неё змея. Да, совсем забыл сказать. Мы с Нуцу и Дуцу делали потрясающих змеев. Как только приходила весна, так всё! Небо, сады, улицы становились нашими. Я раздобывал верёвку, а Дуцу — тонкие прямые планки и бумагу. Нуцу приходил с пустыми руками. Он был конструктором. Рисовал на тетрадном листе и высчитывал центр тяжести. Потом резал бумагу, планки и уж, конечно, не забывал и о хвосте с трещоткой. Нуцу умел добиться треска — первый сорт!

Нуцу всегда оставивал змея над домом, где жила Магда. И не слишком высоко — чтобы был слышен треск. Магда делала уроки во дворе под вишнями. Там стоял стол и скамейка. Нуцу посылал меня или Дуцу посмотреть, мешает ли Магде змея. Я смотрел сквозь изгородь. Потом возвращался и говорил:
— Не мешает.

— Нуцу вскакивал:
— Не может быть!
Он спускал змея, возился с ним минут тридцать и снова запускал. Треск усиливался. Но когда я подбегал к Магдиному саду, её уже не было по вишням. — Ну как, запустил? Нуцу удивлённо посмотрел на нас: — А вы что, ещё не запустили? — Тебя дожидались. Он посмотрел на часы и сказал вало:
— Ладно, после обеда запустим. Мы ждали его до вечера: он не пришёл. Дуцу отправился на поиски и вернулся, как побитая собака. Он сел на землю и помолчал. Потом спросил, не поднимая глаз:
— Знаешь, где Нуцу?
— Я пожал плечами:
— У Рыжей! Вместе уроки учат. Я ничего не сказал. Мне вдруг показалось, что я вижу Магду. И ветер развеивает её волосы. Волосы цвета спелых абрикосов. Я опустился на землю рядом с Дуцу. Мне хотелось колотить по земле кулаками, разорвать змея в мелкие клочки. Потом я услышал свой голос:
— Подумай, что мы одни не можем запустить?
И мы запустили змея на полную катушку. На три мотка верёвки. Дуцу даже шапку снял — глядел вверх. А я двумя руками схватил верёвку и разорвал её. Дуцу кинулся ко мне:
— Чо ты наделал? Упустил!
Я показал ему обрывок, который держал в руках.
— Нет, — сказал я твёрдо. — Я разорвал верёвку.

саду, её уже не было по вишням. В классе я боялся пройти мимо её парты. Боялся, как бы она не спросила про змея. Я не знал, что тогда отвечать. На уроках я притворялся, что смотрю в окно. Но на самом деле я смотрел на её парту. Одним глазом смотрел, чтобы Нуцу не заметил.

На одной перемене Магда перепрыгнула мне дорогу. Она сказала:
— Я знаю: вы запустили змея, чтобы он жуужал сильнее.

Я никогда не видел её так близко, и мне показалось, что парты завертелась, а вся небесная голубизна ринулась в открытые окна и затопила класс. Я засмеялся, а Магда повернулась, что мне синий.

Когда мы вышли из школы, а попросил Нуцу сделать другого змея, чтобы он жуужал сильнее. Мне хотелось построить большого змея. И чтоб всю ночь он висел над Магдиным домом. Я раздобыл верёвку, бумагу, планки — всё. К вечеру змея был готов. Это был самый потрясающий змея из всех, какие когда-либо делали. Запуск должен состояться на следующий день.

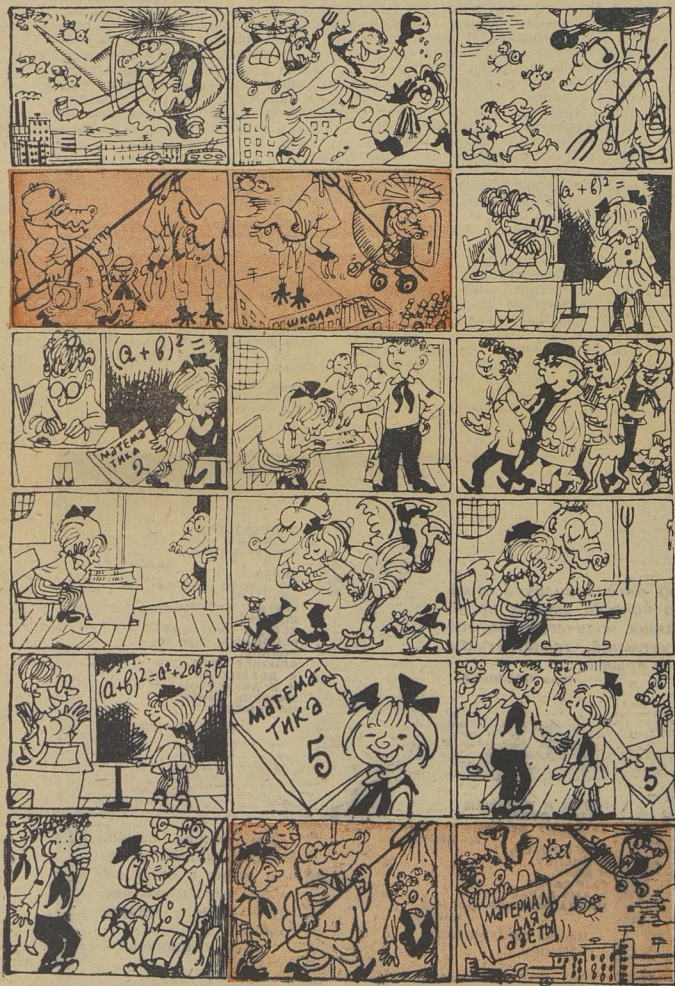
Но назавтра Нуцу не вышел на улицу. И через день тоже. В школу он приходил, но после уроков исчезал, как свихнувшийся проваливался. На четвёртый день я всё-таки его поймал и спросил:
— Ну как, запустил?

Нуцу удивлённо посмотрел на нас: — А вы что, ещё не запустили? — Тебя дожидались. Он посмотрел на часы и сказал вало:
— Ладно, после обеда запустим.

Мы ждали его до вечера: он не пришёл. Дуцу отправился на поиски и вернулся, как побитая собака. Он сел на землю и помолчал. Потом спросил, не поднимая глаз:
— Знаешь, где Нуцу?
— Я пожал плечами:
— У Рыжей! Вместе уроки учат.

Я ничего не сказал. Мне вдруг показалось, что я вижу Магду. И ветер развеивает её волосы. Волосы цвета спелых абрикосов. Я опустился на землю рядом с Дуцу. Мне хотелось колотить по земле кулаками, разорвать змея в мелкие клочки. Потом я услышал свой голос:
— Подумай, что мы одни не можем запустить?
И мы запустили змея на полную катушку. На три мотка верёвки. Дуцу даже шапку снял — глядел вверх. А я двумя руками схватил верёвку и разорвал её. Дуцу кинулся ко мне:
— Чо ты наделал? Упустил!
Я показал ему обрывок, который держал в руках.
— Нет, — сказал я твёрдо. — Я разорвал верёвку.

Перевела с румынского Татьяна Иванова. Рис. Е. МЕДВЕДЕВА.

* В Румынии — десятибалльная система отметок.

«А и Б сидели на трубе...»

Так называется весёлая телевизионная передача, которую ты можешь увидеть по 1-й программе в воскресенье, 28 января, в 10.45 утра. Кто такие А и Б? Это двое ребят, которые прогуляли урок и... Впрочем, на их приключения лучше посмотреть самому. Эта передача для старшеклассников, но попробуй свои силы и ты. Только не забудь приготовить карандаш и бумагу. Если ты решишь задачки, то станешь победителем математического состязания. Ведь передача про А и Б — это первый тур новой олимпиады...

ТОТОНА В КОМАНДИРОВКЕ
Рис. Олега ЮРНЕВА.